

ДОРОГА В НАУКУ

Ему уже за шестьдесят, доктору исторических наук, профессору Балагурову. А он нет-нет да и вспомнит свое детство. И не потому, что оно было для него радостным. Нет, оно оставило в памяти больше печального и горестного, чем приятного. Но все-таки он вспоминает свое детство.

Встретится со знакомым помором, улыбнется своей приветливой улыбкой и разговорится о море, о рыбаках, о далеких временах. Разговорится и спросит:

— Помните чуйму? — И пропоет:

Чуйма, чуйма, прогулял треску

На золотицком песку...

И про кита расскажет, про того, которого касатки загнали в тесную гавань становища Золотая. Давно это было, больше полувека назад, а помнит.

Да, все это запомнилось, осталось на всю жизнь потому, что мир открывался перед ним сложным сплетением романтики моря и суровых рыбацких будней. И еще потому, что тогда у него появилась первая мечта. Он, пятый сын рыбака из села Шурецкого, решил стать учителем, чтобы знать так же много, как Юлия Евгеньевна, и тоже учить ребят. А может, даже столько, сколько знают политические. Те, ссыльные, про которых бабушка говорит,

что они богу не молятся, но у них есть своя вера, могут учить даже больших.

Она была далекой от него, эта мечта, пожалуй дальше, чем какой-то остров Груманта, а он, сказывали старики, за морем да за океаном и всегда в тумане, бывает и не найдешь. И идти к этой мечте надо не легкой дорогой, не легче той, по которой шли деды на своих раншинах и ладьях к туманному острову.

А ближе была обычная рыбацкая жизнь. С девяти лет зуйком на мурманских промыслах, с пятнадцати — весельщиком, потом тяглемом. И она, эта жизнь, смеялась над ним: брось, Яшка, загадывать, кем быть. На что тебе? У тебя отец — рыбак, и у отца отец — тоже был рыбак. И тебе свой хлеб в море брать надо и жить по морским законам.

А он уже знал эти законы, рано узнал. Девяти еще не исполнилось, когда пошел зуйком на промысел к берегам Баренцева моря. Странное это море, совсем не такое, как рисовалось еще недавно. То, заманчивое, с розовым солнечным диском на горизонте, с увлекательными поездками по синему простору, куда-то исчезло, а предстало другое, суровое, холодное и всегда сердитое, со снежным скалистым берегом. А отец называл его кормильцем. И еще: владыкой. И законы у него строги. Когда штормит — рыбаки тоской измучены — зря время теряют, а когда успокоится — они работают до упаду, чтобы не пропустить промысловое время. И тогда зуйку редко выпадет отдохнуть: надо наживлять снасти. И рыбаки еще торопят: «шевелись, море ждать не будет». Такое оно, не всегда доброе, и не всегда щедрое, непостоянное и непонятное — это море.

Уедут рыбаки ярус метать — звук прибирает в стану-избушке, заготавливает дрова, бежит за водой на дальний ручей, а уж потом, если успеет, отдохнет. А к вечеру приедут с моря рыбаки и столкнутся с другим законом, который установил иной, земной владыка — скупщик. Этот всегда оставался постоянен — никогда не был щедр, норовил подешевле присвоить улов рыбака. И потому помор, приехав с моря, скорей спешил разделить рыбу, чтобы она не потеряла вида и скупщик не снизил цену. А зуйку — опять работа. Да такая, что запомнилась на всю жизнь.

...Бледная заполярная ночь. Длинные тени от низких станов. Тоскливые вскрики чаек. Перед зуйком большой ящик с мокрыми, запутанными волной снастями. Холодом веет от мокрых веревочных туюков, от влажного песка под ногами, от

морского ветра. Ноги затекли, онемели. Руки, изъеденные соленой водой, исколотые удами — рыболовными крючками — коченеют. А надо еще стоять и стоять у ларя, перебирать и распутывать километры рыбацкой снасти. И надо еще спешить. Потому что море не станет ждать. А спать хочется. Тот, кто не успел отдохнуть днем, пробегал, засыпает над ларем. Его тормошат другие зуйки и поют эту песенку-дразнилку:

Чуйма, чуйма, прогулял треску...

И все-таки жила мечта, хотя открывался мир совсем недетских впечатлений. Не от забав, не из увлекательных книг черпал мечту. От жизни.

Однажды в его руки попала книга, которая окончательно утвердила в мысли о самообразовании. Книга эта оказалась у него совсем неожиданно.

Осенью 1917 года, накануне Октябрьской революции, Балагуровы, отец и сын, возвращаясь с мурманских промыслов, в Архангельске встретили земляка, матроса военного флота. Обрадованный встречей, моряк пригласил односельчан к себе в экипаж и стал расспрашивать о своих родных. Юноша не принимал участия в этой беседе. На столе он увидел книги. И стал перелистывать одну за другой. Это были книжки с интригующими названиями и яркими обложками. В них говорилось о знаменитых сыщиках, о дальних путешествиях, о поединках мушкетеров. Но не они привлекли внимание паренька. Удивила и обрадовала его совсем скромная на вид книжка «Гимназия на дому». Он тут же прочитал предисловие: «Пользуясь нашим пособием, — говорилось в нем, — ...вы на дому легко окончите гимназию». В голове мелькнула мысль: «Кажется, про эту говорила Юлия Евгеньевна, надо прочитать», и юноша углубился в чтение.

Он уже не слышал ни слов отца, ни громких восклицаний матроса. Он даже не заметил, сколько времени они беседовали. Оторвался от книги лишь тогда, когда моряк своей огромной ладонью похлопал его по спине, пробасив:

— Вот грамотей, не оторвать от книги, хоть криком кричи. — А ну-ка, покажи, что читаешь?

— А все читает, что увидит,— ответил за сына отец.— Учить бы парня надо, да не на что. В прошлый год сюда в Архангельск ездил, как школу в деревне кончил — так и поехал, тайком от нас поехал, хотел в коммерческое поступить, да не приняли, платить нечем.

— Хотел, как Михайло Ломоносов,— вставил матрос и добавил: — Ничего, теперь времечко иное будет, выучится. А книги, какие приглянулись,— сказал он парню,— все бери.

Так с подарком матроса Галанина и отправился молодой шуерецкий помор Яков Балагуров к своей мечте.

Не легким был этот путь, не гладкой магистралью, ведущей к маяющему горизонту. Он поднимался крутой, неприступной скалой, на которую только цепкий вскарабкаться может. И он оказался из цепких. Стал готовиться к экзаменам за гимназию по самоучителю. Тяжело.

После Октябрьской революции могло быть легче: в Кемь, уездном городе, всего в двадцати километрах от Шуерецкого, открылись школы, в которые принимали и сельских. Даже место в интернате предлагали. Учись, Яша. Но тут умерли отец и мать. Младшие сестренки остались на его попечении. А самому-то — всего шестнадцать. Пришлось идти в сельские почтальоны, работать и учиться. Потребовалось почти десять лет, чтобы основательно подготовиться, получить прочные знания и сдать экзамены за среднюю школу экстерном.

А дальше? Дальше начинаются годы учебы в вузах. Пять лет и новый взлет. Мечта-то зовет, манит. И он поступает на заочное отделение школьного факультета института имени Крупской. Чтобы больше возможностей было для подготовки к экзаменам, несколько раз меняет работу — рыбачит с земляками, трудится забойщиком, стрелочником на железной дороге, заведует сельской избой-читальней, работает в волостном исполкоме. Потом его избирают председателем сельского кооператива.

Восемь часов работает, а десять — двенадцать, иногда целую зимнюю ночь, не смыкая глаз, сидит при тусклом свете керосиновой лампы за книгами. Да еще находил время для комсомольской ячейки, а когда вступил в партию — для выполнения партийных поручений. И это не год, не два, а почти пять лет.

Но вот экзамены сданы, получен диплом с отличием. Мечта сбылась. Она добыта большим трудом, недоспанными ночами,

в мужественной борьбе со множеством невзгод, в том числе с тяжелой болезнью, которая однажды даже заставила прервать учебу и перенести сложную операцию. Казалось бы, все преодолено, достигнуто: работай на избранном поприще, совершенствуйся в своей профессии.

А Балагуров, окончив один институт, поступает в другой — в Московский институт истории, философии и литературы и тоже на заочное отделение. Зачем? Затем, что перед человеком расширился горизонт. Затем, что он коммунист, а партия говорит: если учишь других, — учишься сам, не стой на одном месте. И еще — затем, что он не может оставаться без мечты, и она теперь другая, зовет дальше. Он вступает во вторую свою пятилетку, в новый этап на пути к науке.

Еще в начале тридцатых годов Яков Алексеевич написал для районной газеты несколько статей о революционном прошлом своего родного Поморья. Они вызвали много читательских откликов. И вот тогда-то у Балагурова возникла мысль: надо попробовать создать книгу, в которой говорилось бы о труде рыбаков, о их традициях, о их борьбе за Советскую власть. А уж коли появилась у него новая цель в жизни, новая мечта, он не отступит от нее.

Так и получилось. Следующие пять лет он опять и работает — преподает в Карельском отделении института заочного обучения при ЦК партии, — и занимается исследовательской деятельностью. Настойчиво, основательно, успешно. Из тридцати экзаменов за пять курсов института двадцать семь он сдал на отлично, в том числе по всем главным дисциплинам. Собран материал и уже далеко продвинулась работа и над книгой. А его преподавательскую деятельность «Учительская газета» отметила как образцовую.

А потом аспирантура, работа в Петрозаводском университете и по-прежнему над избранной темой. Но «Очерки истории Карельского Поморья» — первая книга Якова Алексеевича, уже подготовленная к печати, не увидела света. Она погибла в горящем Петрозаводске в начале войны. Пропали несколько лет большого труда.

Но Балагуров не отступает от своей мечты, не складывает оружия. Он в Сыктывкаре, куда эвакуировался Петрозаводский университет. Читает лекции и готовит работу на другую тему. И снова научный поиск — изучение архивов Свердловска, Сыктывкара, Кирова, Вологды, Ленинграда. Пишет «Историю Ка-

Доктор исторических наук Я. А. Балагуров хорошо помнит старый Петрозаводск, в котором не было еще ни благоустроенной набережной, ни этих многоэтажных зданий. А вот каким стал теперь наш город!

жимских горных заводов». За этот труд ему в 1946 году была присуждена степень кандидата исторических наук.

Вот и Петрозаводск уже поднят из руин, и университет уже водворен в прекрасное здание — доцент Балагуров в нем заведует кафедрой, читает лекции, руководит теоретическим семинаром преподавателей. Работы много, но нужен еще поиск.

В. И. Ленин на одном из митингов говорил о расстреле английскими интервентами руководителей Кемского совета — А. Каменева, В. Вицуна и П. Малышева. Это произошло на родине Балагурова. Он видел, чувствовал, переживал борьбу своих земляков против иноземных захватчиков, посильно сам участвовал в ней. Теперь же должен рассказать о том,

как поморы отстаивали Советскую власть в годы интервенции. Яков Алексеевич собирает и изучает материалы, разыскивает многих участников гражданской войны, пишет новый труд — «Борьба за Советы в Карельском Поморье».

Работа издана отдельной книгой, получила высокую оценку научной общественности страны, а Яков Алексеевич уже приступил к осуществлению широко задуманного плана дальнейших исследований. Теперь (1952—1963 гг.) он заведует сектором истории Карельского филиала Академии наук СССР, возглавляет группу молодых местных ученых, приступивших к разработке истории Карелии с древнейших времен до Октября 1917 года. Он работает также над темами, связанными с возникновением и развитием лесопильных и горных заводов, созданием рабочих кадров в Карелии, глубоко изучает историю антифеодальной классовой борьбы и Кижского восстания крепостных крестьян 1769—1771 годов.

Появляются четыре крупных монографии, дающих марксистско-ленинское освещение малоизученной ранее эпохи XVIII—XIX вв. в Карелии: «Кижское восстание 1769—1771», «Формирование рабочих кадров Олонецких петровских заводов», «Олонецкие горные заводы в дореформенный период» и «Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв.». Каждая из этих книг имеет большое значение для познания прошлого нашего края, а все вместе они...

Но обратимся к отзывам ученых страны. Пусть скажут они, что значат эти четыре больших труда.

Академик Н. М. Дружнин писал в своем отзыве: «Многолетняя сосредоточенная работа Я. А. Балагурова над важными темами нашей истории и несомненные достижения его монографических исследований дают ему полное право на получение степени доктора исторических наук».

Доктор исторических наук, профессор В. В. Мавродин: «...Работам Я. А. Балагурова мы обязаны блестящим анализом Кижского восстания — наиболее яркого проявления классовой борьбы в крепостную эпоху. Работы Я. А. Балагурова принесли большую пользу советской исторической науке. Нет исследователя, занимающегося работным людом крепостной России, который бы не сослался на его труды. Советская общественность дала им высокую оценку».

Доктор исторических наук, профессор С. Н. Валк: «...Для экономической и социальной истории Карелии XVIII—

XIX вв. труды Я. А. Балагурова представляют совершенно исключительный интерес.

Все это заставляет признать, что присуждение Я. А. Балагурову ученой степени доктора исторических наук без защиты диссертации явилось бы вполне заслуженным признанием большого значения его работы для развития советской исторической науки».

Стоит ли приводить здесь все другие многочисленные высказывания ученых о трудах Якова Алексеевича? Скажем только, что в 1963 году Ученый совет исторического факультета Ленинградского университета единодушно присудил ему степень доктора исторических наук. Через два года Президиум Верховного Совета Российской Федерации присвоил ему почетное звание Заслуженного деятеля науки РСФСР, а Высшая аттестационная комиссия — ученое звание профессора.

Можно подумать, что человек, столь страстно увлеченный научным поиском, — занят только одним делом. О Я. А. Балагурове так не скажешь и не подумаешь. Он посвятил всю свою жизнь науке, но не замкнулся в ней. Самое деятельное участие он принимает в общественной работе и живо откликается на всякое событие.

Да и свою научную деятельность, свои занятия о далеком прошлом нашего края он умеет поставить на службу делам сегодняшним.

...В светлом зале дома культуры Онежского тракторного завода полно людей. Более ста из них представляют славную династию Чехониных — рабочие, инженеры, прославленные новаторы, врачи, педагоги, архитекторы. Перед ними выступает ученый. Он говорит о зачинателе этой династии, о том, от кого пошел этот славный род. Он как бы уводит своих слушателей в прошлое, на два века назад; перед ними предстают жалкие лачуги рабочей слободы, низкие заводские мастерские на берегу речки Лососинки. Он представляет им первого Чехонина, истощенного голодом человека, избитого батогами, измученного тяжелой работой, ослепленного чадом кустарной плавильной печи.

Потом ученый ведет своих слушателей на завод девятнадцатого века, представляет им того Чехонина, который уже принадлежит к рабочему классу и уже не безропотно несет свой тяжкий труд, а участвует в сходках, в первых стачках. Чиновники называют его бунтарем.

А вот и двадцатый век — Чехонины на рабочих маевках, в рядах демонстрантов, в числе тех, кто захватывает власть, кто добровольно идет на гражданскую войну, отстаивает свой город и свой завод, перестраивает производство, несет ударную вахту пятилеток... Представители этих Чехониных есть и в зале. Еще больше здесь тех, кто защищал страну в годы Великой Отечественной войны, поднимал завод из руин, превращал его в тракторный.

Ученый говорит, и перед слушателями открывается большой и славный путь рабочего класса. И их встреча с ученым превращается в настоящий праздник труда.

Всегда деятелен, всегда связан с людьми Я. А. Балагуров. Исполняется сто лет со дня основания беломорских лесопильных заводов, и он пишет статьи для районной газеты. А переписка? Он ведет огромную переписку с самыми различными людьми — учеными, участниками революции и гражданской войны, с рабочими, рыбаками, отвечает на вопросы аспирантов и студентов. Ученый исследует историю прошлых веков, но ему есть дело до всего, что происходит в современной жизни. Потому, что его взгляд обращен в будущее.

Дважды избирался Яков Алексеевич депутатом Верховного Совета СССР. С тех пор уже прошло несколько лет, и избиратели — жители Беломорья — все еще помнят, как много сделано в городах, в селах и лесных поселках благодаря его депутатской деятельности. Помнят, как он хлопотал о строительстве жилья и водопровода в заводском поселке, беспокоился об открытии школ и медицинских пунктов на железнодорожных станциях, обращался в Министерство рыбной промышленности с просьбой об ускорении строительства сетевязального цеха на Беломорском рыбокомбинате...

В государственном архиве есть дело с документами о депутатской работе. И здесь — записка, адресованная Я. А. Балагурову. Многодетная мать, больная женщина, которой он помог приобрести путевку в санаторий и обеспечить материально семью во время ее лечения, писала депутату: «Я так довольна вашим содействием, что не знаю, как и выразить свою благодарность. Желаю Вам самых наилучших успехов в Вашей научной работе».

Этого желают ему все, кому доводилось встречаться с ним, с человеком, обратившим свою мечту в подвиг, с человеком большого и щедрого сердца.

Теплым летним днем он любит пройтись в час отдыха по утопающей в зелени набережной. Идет не спеша, раскланиваясь то с одним, то с другим знакомым. Их много у него — соратников и учеников, добрых последователей и тех, чьи имена он увековечил в своих трудах. Каждого из них он улыбкой встречает и улыбкой провожает. Доброй, приветливой балагуровской улыбкой. И с каждым поговорит.

По набережной пробегает молодежь, парни и девушки, те кому не придется испытывать участь зуйка и не надо тайком убегать от родителей, чтобы найти дорогу к своей мечте. Они спешат на пристань, к ярко-белым теплоходам — хотят ехать в Кижи, любоваться памятниками древней русской архитектуры. Посмотрят и обязательно захотят побольше узнать о том, как жили заонежские мастера, воздвигшие чудо из одного дерева, захотят узнать вековую историю их борьбы и труда.

И тогда эти юноши и девушки познакомятся с ним, с профессором Балагуровым, прочтут его книги. И может быть, кто-то из них решит повторить его жизнь. Что ж, такая жизнь стоит того, чтобы другие делали с нее свою.

А он смотрит на теплоходы и катера, которые увозят в озеро песню юных, и говорит им:

— Доброго пути.